

В новом романе «Тайные виды на гору Фудзи» («Эксмо», М. 2018) В. Пелевин, как всегда, ироничен и, как всегда, связывает международную политику с сексуальными проблемами: «Люди получают радость уже не от “удовлетворения потребностей”, как наивно верили советские теоретики, а от приближения своего образа к закачанному в него шаблону» (с. 193).

В. Пелевин прекрасно понимает, что современная – отчасти западная, отчасти российская – нынешняя культура строится на понятии шаблона, аналогично творчеству голливудских режиссёров.

Основные герои Пелевина – три российских олигарха разной значимости по спискам ФОРБС – сначала хотят обрести внутреннюю самостоятельность, опираясь на методологию буддизма. И вдруг после того, как они достигли некой буддийской святости, им стало казаться, особенно еврею Юрию Соломоновичу, что святость им, в общем-то, и не нужна. Наоборот их таинственный путь к буддизму и к высшему просветлению ведёт их к отлучению от мирских благ, а особенно от солидных вкладов в международных банках, что для них, а особенно Юрия Соломоновича почти равно трагедии всей жизни.

Вот что интересного пишет автор по еврейскому вопросу: «Старушка-лекторша, перешедшая с истории КПСС на культуроведение, уже объясняла культурную ситуацию в США:

– Вы должны понимать, друзья мои, что в современной Америке всем завидуют неокконы, то есть бывшие троцкисты. Всё, что говорил и думал Лейба Бронштейн для них как евангелие, и они неукоснительно воплощают это в жизнь. (...) Нынешние неокконы по-русски не говорят и Троцкого изучают в переводе. Им, видимо, неправильно перевели, и они решили, что “распустить” (Троцкий предлагал распустить армию – Г.М.) означает “растлить”. Отсюда и мужеложество, постепенно внедряемое в войсках» (с. 47).

Значительная часть романа посвящена внутреннему переждению его основных трёх героев в сторону буддизма, но потом, когда им это не понравилось, их возвращению в обычную жизнь.

Пелевин, как всегда, иронизирует:

«– Сейчас многие богатые люди ищут духовных постижений, тренд такой. Но вряд ли кто-нибудь что-то такое реальное найдёт без эмо-пантографа. Шанс только у вас.

– А кто ещё ищет-то? – спросил я.

– Да вон хотя бы Герман Греф. Выписал себе индийского гуру на собрание менеджеров. Не слышали?

– Нет, – сказал я, – не слышал» (с. 114).

И мы тоже не слышали. Но то, что в правящих кругах муссируются понятия о тонких вещах, сомнений не вызывает, так что читатель может делать любые выводы.

«– Что с нами вообще произошло за последний век в культурном плане? – спросил Юра (Один из персонажей романа – Г. М.). – Революция, Гагарин? Да нет. С ломаного французского перешли на ломаный английский. Потому что русская культура свои жизненные соки и смыслы не из себя производит, как Китай, Америка или Япония, а из других культур подсасывает. Вот как гриб на дереве. И за одобрением тоже за бугор бегают, как в Орду за ярлыком» (с. 326).

Ему как бы отвечает второй олигарх: Юра, « скажи вот честно, ты им что, команду такую даёшь по еврейской линии?»

– Да ты одурел что ли, Ринат! – заорал в ответ Юра. – Я им по еврейской линии только одну команду даю – чтобы они на операционную прибыль выходили» (с. 327).

Читатель может задуматься над вопросом, кто такие «мы» и «они», хотя мне кажется, что ответ ясен: мы – это внутренние олигархи, а так называемые «они» это работники международных корпораций.

Я уже отметил, что прирождённый философ- буддист В. Пелевин в этой книге подсмеивается над своими прежними воззрениями. Один из его персонажей – Ринат после возвращения из ниббаны, возвратившийся к нормальной жизни олигарха, выступает с неожиданным заявлением: «Хочется гадов забомбить спецторпедой, устроить им радиоактивное цунами. Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лондон... Это для начала.

Он захохотал и подпрыгнул на месте, словно спортсмен, только что взявший олимпийский рекорд» (с. 349).

Однако это заявление мне представляется не неожиданным, а скорее *déjà vu*: в далёкие 1960-е годы академик А.Д. Сахаров предлагал разместить у Атлантического побережья США ядерное оружие, при необходимости взорвать его, чтобы образовавшееся цунами затопило США.

Роман Пелевина – это тема для больших внутренних размышлений, относящихся не только к читателю, но и к обществу. Суть вопроса в том, что писатель как бы ведёт диалог с читателем и самим собой, указывая на существующие слабости в социально-политической структуре нашей страны. Очень характерна и наводит на глубокие размышления такая вот его мысль:

«Публичные дебаты, таким образом, лишаются всякого смысла. В них больше нет элементов собственно “дебатов”, то есть выяснения истины – они становятся просто способом предложить себя информационному рынку. (...) И как же одиноко среди этих умных, тонких, красиво говорящих, безукоризненно одетых продавцов души!» (с. 378–379).

Кому одиноко? К сожалению, всем нам.

* * *

Вторая половина романа посвящена женскому вопросу. Как всегда, В. Пелевин иронизирует над всеми так называемыми «процессами» в феминистической литературе. Я думаю, станет афоризмом его высказывание:

«Когда играешь в футбол, забываешь, что в мяче пустота» (с. 313). Особенно нам кажется актуальным это замечание в связи с недавним инцидентом футболистов Мамонова и Кокорина. Известная мажорка Багдасарян тоже похожа на футбольный мяч.

Особый вопрос связан с внутренним преобразованием русской девушки Тани, попадающей под влияние тёмных феминистических сект, где ей внушают, что современная женщина похожа на ящерицу. Их покровительницей будто бы является некая прото-ящерица Святейшая Игуана. Современной женщине внедряются в сознание «такие культурные жетоны, как “ненависть ко злу”, “благородное негодование”, “сострадание к жертвам”, “поддержка меньшинств”, “борьба за женское равноправие” и так далее. Духовная культура надзорного капитализма точно также основана на имитации добра, как порнография основана на имитации оргазма.

Но сегодня недостаточно колебаться вместе с линией партии – надо бежать на полкорпуса впереди. Лицемерие должно быть не пассивным, а активным и высокоинициативным» (с. 377–378).

О дальнейших перипетиях героев этого романа читатель узнает сам, когда его прочитает. Я же хотел только подчеркнуть социальную и даже отчасти политическую мысль автора, как она мне представляется.

Санкт-Петербург